

ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2025.67.2.001

УДК 32

В.В. ТИТОВ

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник Финансового университета
при Правительстве РФ, профессор Государственного университета управления,
Россия, г. Москва
E-mail: titov-msu@mail.ru

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПРОШЛОГО В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена содержательным особенностям кристаллизации образа прошлого в политическом сознании современной российской молодежи. В ходе исследования выделены такие ключевые тенденции формирования представлений о прошлом среди молодых россиян, как слабость и фрагментарность когнитивного фундамента коллективной исторической памяти. Отмечается сохраняющееся центральное место образа Великой Отечественной войны и Победы 1945 года в системе исторических представлений российской молодежи. Это свидетельствует, что Великая Отечественная война продолжает сохранять монопольное положение единственной «точки межпоколенческой консолидации» российского общества. Указывается, что образ прошлого, формирующийся в сознании современной российской молодежи, в значительной мере лишен трансформационно-поведенческого потенциала, то есть, не выступает в качестве ценностно-смысловой основы формирования позитивных моделей политического поведения молодых россиян. Подчеркивается, что в современных условиях критически значимой является роль государства в управлении историческим сознанием молодежи, модернизация основных институтов политической социализации и политики памяти, включая поиск новых форматов исторического просвещения молодых россиян.

Ключевые слова: образ прошлого, молодежь, поколение Z, национально-государственная идентичность, историческое сознание, историческая память, политика памяти.

Проблема формирования образа прошлого в политическом сознании российской молодежи, хотя и относится к числу подробно изученных, по-прежнему сохраняет свою актуальность и практическую значимость. Более того, социально-политические события первой половины 2020-х гг., и прежде всего, усиление геополитической конфронтации России со странами Запада (и, как следствие, активизация внешнего информационно-психологического давления на российское общество), еще раз подчеркивают остроту рассматриваемой проблематики.

Следует отметить, что многие современные исследователи справедливо связывают процесс конструирования образа прошлого, в первую очередь, с формированием и возможностью воспроизводства устойчивой модели национально-государственной идентичности. Труды зарубежных и отечественных ученых, в которых рассматриваются различные ракурсы и аспекты национально-государственной идентичности, позволяют сделать весьма четкий вывод, что кристаллизация прочной, целостной структуры макрополитической идентичности не возможна без наличия в ней мощного и когнитивно проработанного исторического компонента [1; 3; 4; 5; 7; 13; 18].

Таким образом, современные исследователи сходятся во мнении, что макро-социальная (массовая) историческая память выступает одним из важнейших оснований становления и ценностно-смыслового наполнения политического «мы» молодежи. Как указывает программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» О. Барabanов: «большую роль в формировании идентичности играет историческая память, когда события и символы прошлого становятся побудительным мотивом для самоопределения гражданского общества сегодня и его проекции в будущее. Тем самым образы прошлого трансформируются в образы будущего» [2]. Вместе с тем он справедливо отмечает: «при этом естественно, что между прошлым и будущим (да и настоящим тоже) должен быть соблюден баланс. Иначе такой подход может превратиться в навязчивое гипертрофирование прошлого. И это отнюдь не будет способствовать консолидации общественного мнения по важнейшим вопросам гражданской идентичности, а лишь вызовет у общества раздражение и сарказм. Но при наличии баланса память об историческом наследии вполне может стать действенным механизмом в формировании современной ценностной политики» [2].

Дискутируя о значимости образа прошлого, его особом месте в структуре национально-государственной идентичности, следует выделить два момента. Первый момент связан с аккумулятивной функцией образа прошлого: в известной мере совокупность представлений о прошлом выступает «аккумулятором» наиболее устойчивых кросс-темпоральных смыслов, актуальность которых для массового сознания не исчерпывается сугубо исторической памятью, но и проявляется в текущей массовой динамике и отношении к существующей политической действительности. Второй момент обусловлен значимостью интегративной функции образа прошлого, тем консолидирующим потенциалом, который в нем накоплен. При этом следует заметить, что речь идет как о «горизонтальной» общественной интеграции на основе массово разделяемых ценностей и смысловых конструктов, так и о «вертикальном» консолидационном потенциале [8; 9; 12]. То есть, предполагается, что развернутый и позитивный образ коллективного прошлого способен «сблизить» гражданина и государство, найти устойчивые «точки пересечения» микросоциальных и национально-государственных интересов.

Широкий спектр социологических и политико-психологических исследований 2010-х – первой половины 2020-х гг. позволяет, в том числе, достаточно

подробно рассмотреть исторический компонент политического сознания молодых россиян (в возрасте от 14 до 35 лет). Среди всего массива исследований, в которых анализируется исторический профиль массового сознания и политической самоидентификации молодежи, особый интерес представляют труды В.В. Браницкого [3], М.В. Артамоновой [1], Н.Д. Сорокиной [10], А.В. Селезневой [9], С.В. Чуева [15], Ю.А. Шестакова [16], О.В. Ярмач [17]. Указанные исследования позволяют рельефно выделить ряд ключевых моментов и тенденций, определяющих вектор и специфику трансформации исторического компонента в сознании российской молодежи в конце 2010-х – первой половине 2020-х гг.

Первая тенденция, о которой можно говорить достаточно убедительно, – это слабость когнитивного фундамента самоидентификации и коллективной памяти молодежи. Установки общероссийской национально-государственной идентичности и ценность патриотизма, будучи ярко выраженными в молодежной среде, не опираются на рельефный и когнитивно насыщенный образ прошлого. С одной стороны, как показывают результаты исследований, патриотические установки разделяет 80-90% молодых россиян [9; 13; 15; 16]. С другой стороны, эти установки часто не имеют под собой должного ценностно-смыслового подкрепления и, как следствие, не приводят к формированию позитивных моделей политического поведения. Поэтому сегодня широкое распространение среди молодых россиян получили модели «априорной» российской гражданской самоидентификации (и, соответственно, патриотизма, как некоторой «априорной», не нуждающейся в детализациях и когнитивной проработке, самореференции) [13].

Вторая базовая тенденция, свидетельствующая об относительной стабильности исторического сознания молодежи (и его устойчивости перед лицом внешних информационно-психологических вызовов), – это сохраняющаяся незыблемой особой и первостепенная роль великой Победы 1945 года в сознании всех групп молодых россиян. По существу, как справедливо замечают исследователи, вокруг образа Великой Отечественной войны и Победы сформировался своеобразный «символический контейнер» – емкий в смысловом плане пласт когниций, позитивных ассоциаций, общероссийских и локальных «мест памяти» [17]. Однако представляется, что, говоря о важности когнитивно-символического поля, сложившегося вокруг образа Победы, необходимо учитывать три обстоятельства. Во-первых, очевидно, что упомянутый «символический контейнер» различен по своему объему и наполнению у разных групп россиян [15]. Во-вторых, необходимо понимать, что для значительной части молодых россиян Великая Отечественная война при всей ее важности – часто воспринимается, все же, в четком ретроспективном ракурсе, вне какой-либо связи с актуальной международной повесткой и современными политическими реалиями. Поэтому, говоря о символическом ресурсе образа Победы, необходимо преимущественно рассматривать его не в утилитарном и сугубо инструментальном ключе (с точки зрения текущих возможностей политической мобилизации молодого

поколения), а именно в качестве первоосновы конструирования прочного исторического базиса общероссийской национально-гражданской идентичности.

В-третьих, справедливо полагать, что максимально эффективное и пролонгированное использование когнитивного и символического потенциала, сконцентрированного вокруг образа Великой Отечественной войны и Победы, предполагает модернизацию государственной политики памяти в современной России, совершенствование уже существующих и поиск новых коммуникативных форматов взаимодействия государства и молодежи [11].

В то же время необходимо говорить и о том, что по-прежнему не решенной остается задача, связанная с расширением, позитивным наполнением и последующей когнитивной проработкой пространства исторической памяти молодых россиян. Можно отметить, что на сегодняшний день, за исключением Великой Отечественной войны, в этом пространстве де-факто отсутствуют какие-либо иные выразительные «точки смысловой консолидации». При этом весьма показательно, что на роль таких дополнительных «точек консолидации», смысловых интеграторов образа прошлого в сознании поколения «зумеров» уже не могут претендовать знаковые исторические события «давнего прошлого», рельефно зафиксированные в исторической «картине мира» более старших возрастных групп, включая «миллениалов» (Отечественная война 1812 года, Октябрьская революция 1917 года и т.д.) [1; 5; 9].

Аналогичную ситуацию можно наблюдать, когда речь идет о персональном измерении образа прошлого в молодежной среде. Так, М.В. Артамонова, М.Е. Соколова и Н.С. Седова замечают: «студенты не знают заслуг исторических персон перед Отечеством – им известно имя, но явно больше ничего из того, что могло бы повлиять на формирование отношения молодых людей к тому или иному историческому деятелю. Таким образом, студенты не знают ни мятежников и революционеров, образы которых романтизировались в течение двух столетий, но они также не знают и имен государственников» [1. С. 34].

Подобная ситуация свидетельствует о том, что государству (не смотря на все его усилия в сфере исторического просвещения и политики памяти) пока не удалось «переломить» длительную, межпоколенческую и негативную тенденцию фрагментации (и сопутствующего ей «когнитивного упрощения») образа прошлого в сознании молодежи. Безусловно, особую остроту тенденции фрагментации предает то, что она носит нарастающий и крайне пролонгированный (по существу, кросс-поколенческий) характер, и во многом проистекает из тотального идентификационного кризиса 1990-х годов. Вместе с тем, достаточно очевидно, что опосредованная ее связь с «переходным периодом» и ценностно-смысловым «вакуумом» 1990-х гг. не может нивелировать того факта, что указанная проблема «когнитивной пустоты» образа прошлого продолжала нарастать и усугубляться в первой четверти XXI века, затронув и первое полностью «цифровое» поколение россиян.

Несомненно, анализ образа прошлого в сознании российской молодежи ставит острые вопросы, связанные с управлением массовой исторической памятью.

Как справедливо указывают О.В. Ярмак и ее коллеги, различные исторические образы (циркулирующие в политическом пространстве современной России) могут, как способствовать социальному объединению, так и «деконсолидировать» общество, выступать триггером, углубляющим существующие в нем социально-политические и ценностно-идеологические размежевания [17. С. 66]. Поэтому «для консолидации социума необходимо управление «образами прошлого», поскольку прошлое выступает той социальной конструкцией, которая формируется восприятием современных событий» [17. С. 66].

Необходимо заметить, что государство с начала 2010-х гг. стремится все более активно влиять на политику в области массового исторического просвещения, выстроить организационные и институциональные основания, если не общегосударственной политики идентичности в целом, то, по крайней мере, систематизированной государственной деятельности в сфере сохранения и воспроизводства общенациональной исторической памяти. Существенный акцент в рамках трансформации государственной политики памяти был сделан и на молодежную аудиторию. В частности, одной из важных задач Российского военно-исторического возраста провозглашено «содействие патриотическому воспитанию молодежи и юношества, в духе любви, преданности и беззаветного служения Родине, уважения к Защитнику Отечества, Вооруженным Силам Российской Федерации» [14]. Однако важно понимать, что успешность политики в сфере исторического просвещения молодежи сегодня может быть обеспечена только скоординированными усилиями всех институтов политической социализации, включая активное использование цифровых технологий и форм популяризации исторического знания [11; 12].

Завершая исследование, можно констатировать, что важнейшей политико-психологической проблемой сегодня является когнитивная дефицитарность коллективной исторической памяти в сознании российской молодежи. Слабость смыслового компонента коллективной исторической памяти молодых россиян неизбежно порождает ограниченность ценностно-символического и, что крайне существенно, трансформационно-поведенческого потенциала образа прошлого, предопределяет его изолированность и удаленность от процессов формирования моделей политического поведения российской молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Артамонова М.В., Соколова М. Е., Седова Н.С.** Влияние фактора прошлого на формирование идентичности российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 8.
2. **Барабанов О.** Образы прошлого для образа будущего // Международный дискуссионный клуб «Валдай» // <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/obrazy-proshlogo-dlya-obraza-budushchego/>.

3. **Браницкий В.В.** Историческое сознание современной студенческой молодежи: социологический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 12 (5).
4. **Бубнов А.Ю.** Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4.
5. **Зверева Е. А.** Особенности медиапотребления «поколения Y» и «поколения Z» // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8.
6. **Комаровский В.С.** Формирование национально-государственной идентичности в России: вызовы и риски // Власть. 2015. № 3.
7. **Регнацкий В.В.** Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1.
8. **Самсонова Т.Н., Зиненко В.Е.** Формирование политической субъектности молодежи в современной России: критерии, условия, проблемы // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 3.
9. **Селезнева А.В.** Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. № 3.
10. **Сорокина Н.Д.** Историческая память современных студентов. Что происходит? // Высшее образование в России. 2020. № 10.
11. **Титов В.В.** К вопросу о направлениях модернизации государственной политики памяти в России // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 8.
12. **Титов В.В.** Государственная политика памяти в России: тенденции трансформации в первой четверти XXI века // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 4.
13. **Титов В.В.** Патриотизм в структуре национально-государственной идентичности российской молодежи // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 11 (124).
14. Устав Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» // Российское военно-историческое общество // <https://rvio.histrf.ru/official/charter>.
15. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / под общей редакцией С.В. Чуева. Москва, 2017.
16. **Шестаков Ю.А.** Историческое сознание российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности России // Nomothetica: Философия. Социология. Право. 2022. № 2.
17. **Ярмак О.В., Большакова М.Г., Савина З.С., Маранчак А.Г.** Историческая память молодежи: Как работают образы прошлого в условиях противостояния политических элит // Вопросы элитологии. 2022. № 2.

18. **Olick J., Robbins J .** Social memory studies: from «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. 1998. № 24.

V.V. TITOV

Doctor of Political Sciences,
Professor of the Department of Public and Municipal
Administration of the State University
of Management, Moscow, Russia

THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF THE IMAGE OF THE PAST IN THE POLITICAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN YOUTH

The article is devoted to the substantive features of the crystallization of the image of the past in the political consciousness of modern Russian youth. The study highlights such key trends in the formation of ideas about the past among young Russians as the weakness and fragmentation of the cognitive foundation of collective historical memory. It is noted the continuing centrality of the image of the Great Patriotic War and the Victory of 1945 in the system of historical representations of Russian youth. This indicates that the Great Patriotic War continues to maintain its monopoly position as the only «point of intergenerational consolidation» for Russian society. It is pointed out that the image of the past, which is being formed in the minds of modern Russian youth, is largely devoid of transformational and behavioral potential, that is, it does not act as a value-semantic basis for the formation of positive models of political behavior of young Russians. It is emphasized that in modern conditions, the role of the state in managing the historical consciousness of young people, the modernization of the main institutions of political socialization and memory policy, including the search for new formats of historical education for young Russians, is critically important.

Key words: image of the past, youth, generation Z, national-state identity, historical consciousness, historical memory, memory policy.